

«НА ПЕРЕПУТЫИ»

В июне 1913 года, во время празднования 70-летнего юбилея русского литературоведа, ординарного профессора Московского университета, почётного академика Санкт-Петербургской АН по разряду изящной словесности Алексея Николаевича Веселовского, Совет Специальных Классов Лазаревского института восточных языков решил ознаменовать эту дату «в жизни старейшего своего сочлена» изданием юбилейного сборника, в который вошли бы труды из области ориенталистики и образцы литературы Востока.

Владимир Александрович Гордлевский

Биография М. Дулатова написана им собственноручно. Оригинал ее, как и переписка М. Дулатова и А. Гордлевского, хранятся в кабинете Гордлевского в Московском институте востоковедения, в который после революции 1917 года вошел Лазаревский институт восточных языков.

Данная публикация в «Восточном сборнике» (вып. XLIII) являет собой важную веху в истории казахской литературы, поскольку в ней впервые на русском языке были представлены произведения Абая Кунанбаева и Миржакипа Дулатова. М. Дулатов, несмотря на свою молодость (28 лет), был в то время самым популярным казахским литератором, благодаря своей книге «Оян, казак» (Уфа, 1911; Казань, 1913), а также первому казахскому роману «Бақытсыз Жамал».

В своем письме из Оренбурга от 6 апреля 1914 года к господину Гордлевскому Миржакип Дулатов пишет:

Редакция сборника была поручена известному востоковеду-тюркологу Владимиру Александровичу Гордлевскому (1876–1956), который в то время преподавал в институте турецкий язык и историю турецкой литературы, одновременно занимаясь обработкой этнографических материалов, собранных во время путешествий, и переводами на турецкий язык произведений русской литературы.

Помимо образцов арабской, персидской, турецкой, татарской, армянской, древнееврейской литературы в сборнике были представлены произведения современной на то время казахской литературы – прозаические переводы стихов Абая Кунанбаева (1854–1904) и Миржакипа Дулатова (1885–1935). Обеим подборкам предшествовали биографические статьи.

Биография Абая Кунанбаева была составлена Нухом Рамазановым, а биография

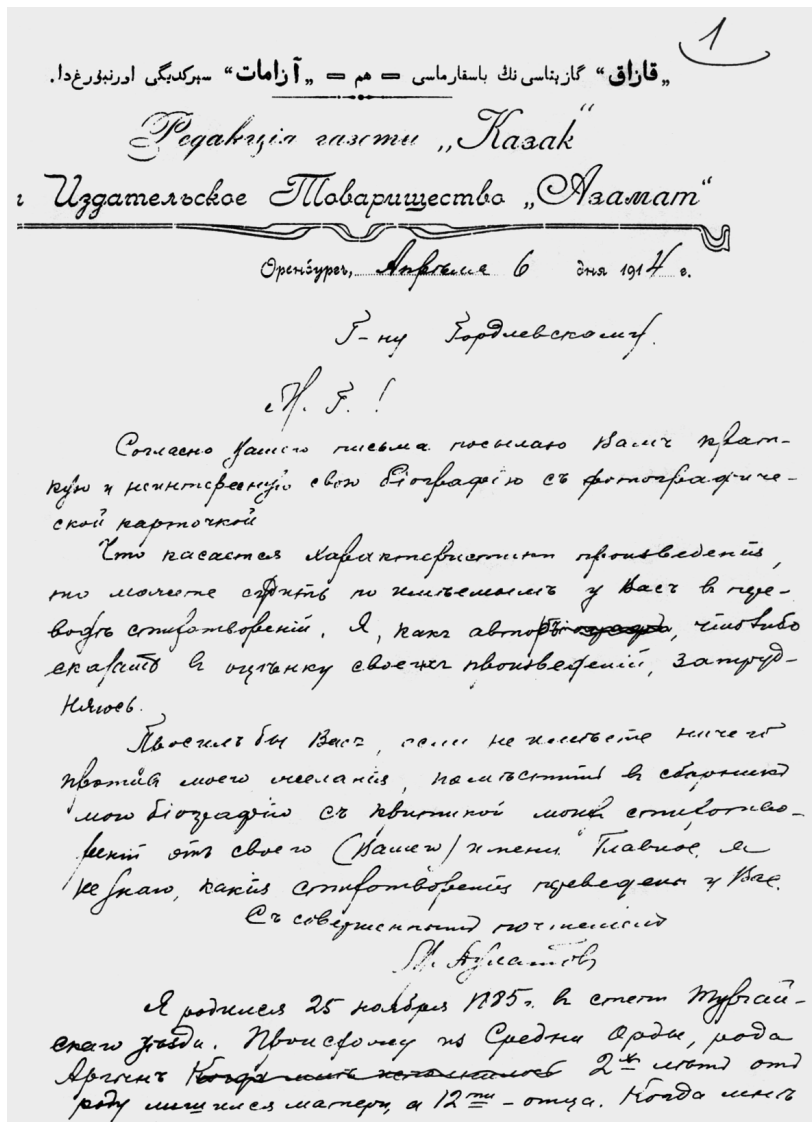
«Согласно Вашего письма посылаю Вам краткую и неинтересную свою биографию с фотографической карточкой.

Что касается характеристики произведений, то можете судить по имеемым у вас в переводе стихотворениям. Я, как автор, что-либо сказать в оценку своих произведений затрудняюсь.

Просил бы Вас, если не имеете ничего против моего желания, поместить в сборнике мою биографию с критикой моих стихотворений от своего (Вашего) имени. Главное, я не знаю, какие стихотворения переведены у Вас.

С совершенным почтением

М. Дулатов»

Автограф письма М. Дулатова Вл. А. Гордлевскому

В конце письма М. Дулатов сделал небольшую приписку:

«P. S. Предоставляю Вам полностью сокращать, исправлять по своему усмотрению. М. Д.»

Ни к коем случае не оспаривая правомерность тех или иных исправлений и сокращений, внесенных издателями в текст автобиографии, хочется обратить внимание на некоторые разночтения.

Например, из публикации следует, что М. Дулатов получил звание аульного учителя после окончания училища. Однако в оригинале автобиографии есть, на наш взгляд, одна немаловажная деталь – «пробыв на педагогических курсах».

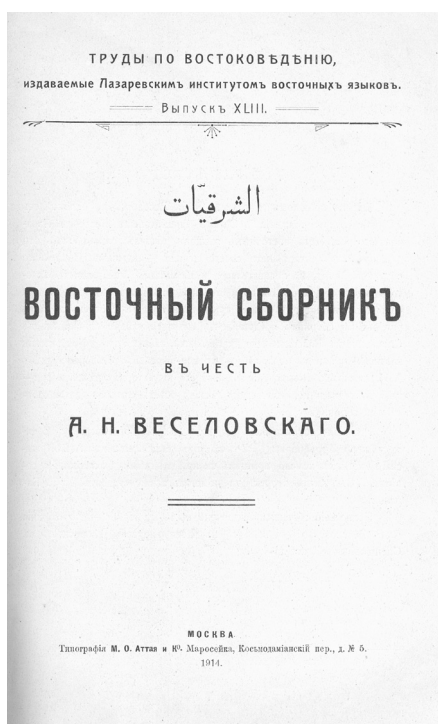
Говоря о самообразовании, М. Дулатов пишет, что в школе с русской литературойзнакомился «слишком поверхностно и без всякой системы». Быть может, для такого строго научного издания эти слова могли показаться излишне эмоциональными, но для характеристики поэта они вполне уместны.

Далее М. Дулатов пишет в автобиографии: *«Хотя любовь и стремление к поэтической деятельности во мне проявилась гораздо раньше, но до 20-летнего возраста серьезного ничего не создал. Действительно, ... до того времени было у меня несколько стихотворений, но им никакого значения сам не придавал, поэтому они у меня даже не хранились»*. Однако редактор (скорее всего Н. Рамазанов) заменил этот абзац такой легковесной фразой: *«Иногда пописывал я стихи, но не придавал этому никакого значения»*, а вместо признания поэта (*«Характер моих стихотворений, вообще, лирический»*) читаем – *«Занимаюсь я и публицистической деятельностью»*.

Наконец, в своем письме М. Дулатов вскользь упоминает о втором издании романа, недавно вышедшем в продажу (первое было издано в г. Омске в 1911 году), а также о том, что первое издание сборника стихотворений «Азамат» «в солидном количестве разошлось в 3 месяца». Эти факты, безусловно, служат подтверждением тому, какой широкий общественный резонанс имели произведения молодого литератора.

Будет несправедливо, если мы обойдем вниманием личности переводчиков произведений Абая и М. Дулатова.

Нух Абдул-Галим Рамазанов родился в 1884 году в Баскудыкской волости Павлодарского уезда Семипалатинской области в семье скотоводов. Выпускник Семипалатинской гимназии. 13 января 1907 года в омской газете «Голос степи» было опубликовано «Открытое письмо киргизам Семипалатинской и Акмолинской областей» лидера Степного края Алихана Букейхана. В нём он призывал своих сородичей помочь средствами для обучения в Санкт-Петербургском университете казахскому юноше из семьи бедняка Нуху Рамазанову, который получил отказ на свои неоднократные обращения к семипалатинскому областному губернатору и к генерал-губернатору Степного края с просьбой о зачислении стипендиатом в один из русских университетов.

Н. Рамазанов первоначально учился в Санкт-Петербургском университете. В феврале 1907 года перевёлся на первый курс юридического факультета Томского университета. В октябре 1909 г. поступил в Московский Лазаревский институт, который окончил в 1913 году. Владел арабским, персидским, татарским языками. Ушел из жизни после тяжелой и продолжительной болезни в 1914 году.

Сатылган Сабатаев родился в 1874 году. В раннем детстве остался сиротой. Окончил Верненскую мужскую гимназию, в 1895 году – Лазаревский институт восточных языков. Работал переводчиком в Пишпекском и Джаркентском уездных управлениях, некоторое время исполнял обязанности городского пристава Джаркента. С 1908 по 1915 год обучался в Московском сельскохозяйственном институте. Стал первым казахским учёным-агрономом, получившим высшее образование.

После революции стал активным участником движения Алаш-Орда в Семиречье. В декабре 1917 года на втором Всеказахском съезде был избран членом правительства Алаш-Орды. В марте 1918 года большевики арестовали алашских руководителей О. Альжанова, И. Жайнакова и С. Сабатаева. После освобождения в апреле того же года он переехал в Семипалатинск, где вскоре стал членом областного комитета партии «Алаш». Принимал активное участие в формировании 1-го Алашского военного полка в Семипалатинске. В ноябре 1918 года по решению Временного Сибирского правительства был назначен главным специалистом по сельскому хозяйству, а после установления Советской власти работал по специальности в Каркаралы. Трагически погиб в 1921 году при исполнении служебных обязанностей.

В архиве нашей семьи хранится именное издание «Восточного сборника» 1914 года в кожаном переплете и с золотым тиснением на корешке – **М. Дулатовъ**.

Как издателя меня всегда интересовали старинные книги. Бывая в Москве, я непременно заглядывал в букинистические отделы книжных магазинов. Но «Восточный сборник» 1914 года мне не попадался, хотя он должен был выйти по тогдашним меркам немалым тиражом.

И только в октябре 2016 года в магазине на Чистопрудном бульваре, совсем недалеко (!) от того места, где располагался когда-то Лазаревский институт восточных языков, среди прочих старых фолиантов я обнаружил «Восточный сборник» 1914 года. Книга, изданная больше века назад, пребывала в отличном состоянии.

Никогда не забуду того чувства, которое я испытал, когда на 223 странице увидел знакомый мне заголовок: «Изъ стихотворений М. Я. Дулатова. Переводъ съ казакъ-киргизскаго».

Ерлан Сатыбалдиев, внук М. Дулатова

Изъ современной киргизской литературы

«НА ПЕРЕПУТЫИ»

АБАЙ КУНАНБАЕВЪ

(1845–1904)

Біографія¹⁾

Происходившій изъ рода Тобыкты, поэтъ Абай (Ибрагимъ) Кунанбаевъ родился въ горахъ Чингизъ (Семипалат. уѣзда). Въ немъ ярко олицетворяется переломная пора въ духовной жизни киргизскаго народа. Онъ впиталъ въ себя аромать киргизскихъ степей. Пѣвецъ привольнаго кочевья, онъ былъ ходячій сборникъ устной народной словесности; но онъ видѣлъ, что разлагаются уже устои народнаго быта, и образно выразилъ щемящую тоску въ словахъ: «ахыны» (народные пѣвцы) золотое слово пѣсни превратили въ мѣдь». Онъ ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ судьбѣ народа, потому что рано былъ захваченъ русскимъ вліяніемъ.

Первый изъ киргизовъ испыталъ онъ на себѣ силу русской школы, а знакомство съ политическими ссыльными въ 80-хъ годахъ расширило его умственный горизонтъ, – онъ горячо полюбилъ русскую литературу²⁾. Онъ перевелъ «Евгенія Онегина» Пушкина, и письмо Татьяны, переложенное на музыку, давно уже раздается въ степяхъ. Обличительный духъ былъ ближе ему; онъ переводилъ басни Крылова, а въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, ополчаясь противъ должностныхъ переводчиковъ-киргизовъ, безсовѣстно обирающихъ

¹⁾ Источникъ для біографіи Кунанбаева – статья А. Букейханова въ Запискахъ Семипалатинскаго подѣлѣ западно-сибирскаго отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества. Вып. III. Семипалатинскъ. 1907, стр. 1–8 (съ портретомъ).

²⁾ Б. Герасимовъ, Е. П. Михаэлисъ. Записки Семипалатинскаго подѣлѣ..., выпускъ VII, стр. 1–2.

народъ, онъ говоритъ: «Видно, они никогда и не слыхали ни о Л. Толстомъ, ни о Салтыковѣ».

Еще въ молодыхъ годахъ Абай Кунанбаевъ, отличавшійся необыкновеннымъ умомъ и красотой, становится во главѣ своихъ сородичей, Тобоктинцев. Никто лучше не зналъ старинныхъ судебныхъ обычаевъ, никто не умѣлъ, какъ онъ, решать легко трудные судебные вопросы, часто возникающіе между киргизами. Сородичи избрали его волостнымъ управителемъ; но, когда онъ въ борьбѣ съ невѣжествомъ народа, началъ безпощадно наказывать пороки, – противъ него образовалась партія. Разочаровавшись въ народѣ, онъ добровольно отказался отъ должности.

Въ одномъ стихотвореніи онъ такъ говоритъ:

«Несчастной судьбой мнѣ предопредѣлено быть мученикомъ невѣжественнаго народа. Дома я изнываю въ одиночествѣ. Теперь я знаю, какъ подчиняются судьбѣ! Я удостоенъ званія «человѣкъ», а мой народъ хочетъ стереть это достоинство. Ложь и сплетня, – вотъ девизъ моего народа. Я разочарованъ. Не ходи на ихъ сборища, сиди дома, пока они не обратятся къ тебѣ. О, Боже! Могу ли я сносить это и одиноко сидѣть дома?»¹⁾

Въ своихъ стихотвореніяхъ онъ изображаетъ отрицательныя стороны жизни киргизскаго народа, задѣваетъ самолюбіе соплеменниковъ, чтобы, такимъ образомъ, искоренить въ нихъ дурныя привычки.

Стихотворенія Кунанбаева путемъ устной передачи или переписыванья распространяются среди киргизовъ, жившихъ за предѣлами его волости. Только не производятъ они никакого впечатлѣнія на его сородичей, Тобокинцевъ. Абай горько жалуется:

«О, Великий Боже, молю Тебя, укажи мнѣ прямой путь! Когда враги хватаютъ меня за горло, я не вижу ни единой сочувствующей души. О, бѣдныя мои слова, которыми восхищаются Аргынъ, Найманъ и Средняя Орда! Вы не имѣете никакой цѣны въ глазахъ невежественной толпы Тобоктинцевъ!»...

Въ послѣдніе годы Кунанбаевъ охотно входилъ въ общеніе съ молодежью. Собравъ вокругъ себя слушателей, онъ вель съ ними беседы на темы: какъ жить, какіе были на свѣтѣ великіе ученые, чему учили, и т. д. Обо всемъ говорилъ онъ с жаромъ и увлеченіемъ. Совѣты его не оставались безъ вліянія на молодое поколѣніе. Онъ называлъ время, проведенное съ молодежью въ беседахъ, лучшими моментами своей жизни.

Какъ же распространялись въ степи стихотворенія Кунанбаева?

Въ степяхъ среди киргизовъ были профессиональные пѣвцы-поэты. Они разѣзжали по ауламъ и подъ аккомпанементъ домбры пѣли панегирики въ честь мѣстныхъ богачей. Богачи щедро дарили ихъ. Тѣхъ, кто скупился на подарки, пѣвцы остроумно высмѣивали, и долго на скупца сыпались насмѣшки. Большею частью поэты были неграмотны; поэтому ихъ стихи забывались, если только кто-нибудь не записывалъ или не запоминалъ ихъ. Пѣли экспромтомъ, вдохновляясь только домброй. Хотя киргизы охотно слушали стихи, втайнѣ однако презирали поэтовъ, называя ихъ нищими; и вообще были о нихъ невысокаго мнѣнія. Тѣмъ не менѣе когда въ аулѣ появлялся пѣвецъ, вѣсть объ этомъ быстро распространилась въ окрестныхъ аулахъ.

1) Об этомъ вспоминалъ поэтъ въ предсмертномъ стихотвореніи «Пожалѣйте меня!»; обращаясь къ молодежи, онъ какъ бы предчувствуетъ упреки, которые будутъ сыпаться на него.

Вечеромъ киргизы вереницами шли къ тому аулу, гдѣ гостилъ пѣвецъ. Хозяинъ дома, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, закалывалъ ради пѣвца барана; онъ гордился, что у него остановился пѣвецъ. Юрта наполнялась слушателями. Хозяинъ вежливо намекалъ, что собравшіеся гости просятъ сыграть что-нибудь. Пѣвецъ беретъ домбру, молча и долго настраиваетъ ее, потомъ начинаетъ петь.

Сначала онъ поетъ любовныя песни, потомъ «кысса» или произведенія какого-нибудь поэта. (Раньше киргизы увлекались «кыссой», особенно изъ исторіи завоеваній арабовъ). Послѣ отъѣзда «ахына» пѣсни распевались памятной молодежи.

Такъ распространяли певцы и произведенія Абая.

Стихи Абая особенно привлекали слушателей. По содержанію, они всѣ взяты изъ жизни народа и художественны по формѣ.

Когда пѣвецъ начинаетъ петь насмешливыя стихи Абая, слушатели оживаютъ; они находятъ у себя или у другаго те или другіе недостатки, остроумно подмеченные Абаемъ.

Постепенно веселый смѣхъ умолкаетъ; слушатели задумываются. Наоборотъ, настроеніе слушателей поднимается, когда пѣвецъ приступаетъ къ такимъ произведеніямъ Абая, какъ, напримеръ: «Охота съ орломъ на лисицу», «Красота женщины», стихи, посвященные природѣ, любви и т. п.

Въ стихахъ Абая нѣтъ лишнихъ словъ, какъ у другихъ киргизскихъ поэтовъ, которые въ погоню за рифмой загромождаютъ тему стихотворенія вставочными эпизодами и мотивами. (Такіе стихи Абай называетъ стихами въ заплахахъ). У Абая слова на своемъ мѣстѣ; каждое слово имѣетъ свой глубокой смыслъ. Киргизы прекрасно понимаютъ достоинства его произведеній, поэтому слушаютъ съ интересомъ, хотя Абай безпощадно высмѣиваетъ и порицаетъ ихъ, иногда даже проклинаетъ за безпечный образъ жизни.

Многіе стихи Абая затерялись. Онъ имѣлъ обыкновение писать на первомъ попавшемся клочкѣ бумаги, когда осѣняло его вдохновеніе, и отдавалъ написанное тому, кто попроситъ, или какому-нибудь пѣвцу.

Послѣ его смерти изъ собранныхъ листовъ составила небольшая книжка стихотвореній. Возможно, однако, что многіе листы пропали.

Н. Рамазановъ

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ КУНАНБАЕВА.

Переводъ с казакъ-киргизскаго.

І. ЛѢТО¹⁾

Изъ цикла «Четыре времени года».

Когда наступаетъ лѣтомъ время «чилдэ»²⁾; когда зеленая трава, осока, тюльпаны – въ полномъ цвѣту; когда у бурливой рѣчки располагается кочевой аул; табунъ ржащихъ лошадей весь утопаетъ въ зелени, лишь шерсть ихъ мелькаетъ изъ-за

¹⁾ 1) Тема эта нередко разрабатывается въ народной киргизской литературѣ; ср. И. Лаптевъ: Матеріалы по казакъ-киргизскому языку (= Труды по востоковѣдѣнію, вып. 2). Москва, 1900, стр. 6, слѣд.

²⁾ Время отъ 20-го іюня по 1-е августа; собственно значить: «въ теченіе сорока дней» (перс. слово + окончаніе мѣстнаго падежа).

зеленой травы; кони – жеребцы и кобылы, – наѣвшись досыта сочной травы, стоять въ рѣкѣ, отмахиваясь отъ назойливыхъ мухъ и ударяя хвостами по водѣ, а возлѣ нихъ шаловливо скачутъ жеребята; взадъ и впередъ летаютъ утки и гуси.

Засучивъ рукава до бѣлыхъ локтей, дѣвицы и молодухи раскидываютъ кибитки, расхаживая плавной кокетливой походкой и перекидываясь между собой шутивными словами. Изъ табуна быстро возвращается въ аулъ довольный хозяинъ, по знаку котораго наливаютъ изъ «сабы»¹⁾ въ миску кумысъ и ставятъ у семейнаго очага одноаульцевъ. Старшіе сидятъ отдельно, бесѣдуя между собой, иногда пересмѣиваясь громко и звонко. Обиженные прислугой, ребятишки вертятся возлѣ матери и капризно просятъ мяса.

Вотъ подѣ раскинутымъ шатромъ, укрывшись отъ знойнаго солнца, передъ шумящимъ самоваромъ важно сидитъ на разостланномъ коврѣ хозяинъ. Иногда, кто-либо, умудренный житейскимъ опытомъ, рассказываетъ что-нибудь, слушатели киваютъ головой, выражая свое одобрение.

А на другомъ концѣ аула въ бѣлой рубашкѣ выходитъ, опираясь на палку, сѣдой старикъ и кричитъ пастухамъ, чтобы угнали подальше отъ его аула скоть; онъ нарочно кричитъ, какъ бы заискивая, чтобы хозяинъ пожалѣлъ его, бѣдняка, и угостилъ кумысомъ.

Утромъ въ аулъ возвращаются табунщики, гарцуя на беспокойныхъ неукрахъ; они покачиваются въ сѣдлѣ, а халаты у нихъ спущены съ плечъ до пояса.

По берегу рѣчки скачутъ молодые охотники съ ружьями и ястребами. Одинъ изъ нихъ уже пустилъ своего ястреба на стадо гусей. Гусь не успелъ подняться, какъ ястребъ схватилъ его. Бѣдный старикъ, глядя на охотниковъ, громко смѣется, выражая одобрение...

Перевелъ С. Сабатаевъ

II. АУЛЪ НОЧЬЮ

Тихая, светлая ночь. Отраженіе мѣсяца дрожитъ на водѣ. Около аула глубокой оврагъ, куда, шумя, низвергается разлившаяся рѣка. Листья густаго лѣса шепчутся между собою. Трава затянула поверхность земли и скрыла песокъ. Гора отвѣчаетъ эхомъ на лай собакъ и на голоса ночныхъ сторожей. Ты пришла, когда тебѣ освободили путь. Напрасно боишься ты быть замѣченной; то въ холодъ, то в жаръ бросаетъ тебя, и чуть дышешь ты отъ волненія. Біеніе сердца не даетъ тебе говорить. Ты могла стоять, только опираясь на мою руку, и положила свою голову мнѣ на грудь.

III. ПОЭТЪ

Когда у поэта стихаетъ тревога сердца, когда божественный талантъ выплываетъ изъ-за тучи, когда божій день, ликуя, просыпается отъ сна, когда все – въ гармоніи подобно текучей прозрачной водѣ родника, когда очерствѣвшее сердце очищается отъ житейской грязи, когда слова, переплетаясь въ гирлянду, готовы вылиться изъ устъ, – тогда поэтъ, опоясавшись, уходитъ весь въ созерцаніе.

¹⁾ Кожаный мѣшокъ для приготовления кумыса.

Далеко устремив свой взоръ, подобно вдохновенному орлу, и освободивъ себя отъ земныхъ заботъ, онъ заговорить о томъ, что его печалить и радуетъ. Встрепенувшись, онъ яростно бросается на обидчиковъ и невѣждъ. То, что онъ видитъ и чувствуетъ, онъ отдаетъ на судъ здраваго разсудка и справедливости. И все, что они подсказываютъ, – раздраженное сердце, гнѣвная рука, ядовитыя чернила, острый языкъ – выльютъ въ образы. Не понравится вамъ, – какъ хотите...

IV. ПОЖАЛЕЙТЕ МЪНЯ!

Когда я умру, сырая земля покроетъ меня. Языкъ мой превратится въ стыдливую дѣвицу, бѣдное сердце, плававшее враждой и любовью, охладѣтъ какъ ледъ. Вы будете осуждать меня за недостойныя движенія увлекавшагося сердца. Тогда я, бѣднякъ, не буду въ состояніи вамъ отвѣтить и всецѣло буду в вашей власти.

Но будьте осторожны. Развѣ справедливо сжигать вторично душу мою? Вѣдь, и такъ уже разъ душа моя была смертельно ранена.

Вдумайся глубже, отнесись ко мнѣ сердечно, вѣдь я былъ непонятъ. Выросъ я в дикой пустынь, гдѣ не было ни единой тропинки, – одни буераки. Я боролся одинъ противъ тысячъ.

Не вини меня за то, что въ молодости, находясь подъ влияніемъ окружающаго, я былъ далекъ отъ истины, горѣлъ гневомъ... Когда я проснулся, мнѣ не дали воли. Не повтори моихъ ошибокъ! Мой народъ, не внимая мнѣ и не давая мнѣ воли, осудилъ меня, но пожалей хоть ты, прошу, и дай покой, когда я уйду въ вѣчность, навѣрно, ничего не сдѣлавъ, но с гордымъ видомъ и съ сердцемъ, исполненнымъ огня и яда.

Но довольно мнѣ обнаруживать свои тайныя муки: стихи передадутъ ихъ сплетникамъ народнымъ.

Перевелъ Н. Рамазановъ

МЭРЪ ЯКУПЪ ДУЛАТОВЪ.

Автобіографія¹⁾

«Я родился 25-го ноября 1885 г. въ степи Тургайскаго уѣзда. Происхожу изъ Средней Орды, рода Аргынъ; 2-хъ лѣтъ отъ роду лишился матери, а 12-ти – отца. Когда мнѣ исполнилось 8 лѣтъ, отецъ отдалъ меня на обученіе аульному муллѣ-татарину, человѣку крайне невѣжественному. Не помню, сколько времени учился я у него, знаю только, что, кромѣ заучиванія арабскихъ молитвъ по «афтѣяку»²⁾, – ничему не научился.

Въ 1895 г. отдали меня въ аульную школу. Учитель (М. Токтабаевъ) параллельно съ русской грамотой обучалъ насъ и киргизской, хотя это въ его обязанности и не входило, и вознагражденія за это онъ ни отъ кого не получалъ. Къ несчастью, этотъ добрый учитель скоро былъ переведенъ отъ насъ, и къ намъ пріѣхалъ другой учитель, – крещеный башкирь. Онъ мало интересовался судьбою учащихся; былъ это какой-то странный человѣкъ; предоставивъ учениковъ самимъ себѣ, онъ постоянно запирался у себя въ комнатѣ. Послѣ уже обнаружилось, что «педагогъ» занимался фабрикаціей фальшивой монеты, за что вскорѣ былъ сосланъ въ каторгу.

Въ 1897 г. я поступилъ въ 2-хъ классное русско-киргизское училище (въ Тургаѣ); окончивъ училище, я получилъ званіе аульнаго (сельскаго) учителя. Такъ закончилось мое школьное образованіе.

Съ 1902 г. служба учителемъ въ киргизскомъ аулѣ, я посвящалъ свободное время самообразованію. Въ школѣ съ русской литературой знакомился я поверхностно и безъ системы.

Иногда пописывалъ я стихи, но не придавалъ этому никакого значенія.

Первое стихотвореніе мое напечатано въ 1906 г. въ первомъ номерѣ первой киргизской газеты *Серке*, изд. въ Петербургѣ. До этого времени періодической печати у киргизовъ не было; газета *Серке* прекратила впрочемъ свое существованіе уже на второмъ номере. Въ 1909 году выпустилъ сборникъ стихотвореній подъ заглавіемъ *Оянь, казакъ!* («Проснись, киргизь!»). Этотъ сборникъ быстро распространился среди киргизовъ, выдержавъ въ короткое время два изданія. Въ 1911 г. сборникъ былъ конфискованъ Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати.

Въ 1910 г. написалъ первый романъ изъ киргизской жизни *Бахытсызъ Джамаль* («Несчастливая Джамаль»), въ которомъ изобразилъ униженное положеніе женщины.

¹⁾ Изъ письма Вл. А. Гордлевскому.

²⁾ Седьмая часть Корана.

Въ 1913 г. изданъ въ Оренбургѣ второй сборникъ моихъ стихотвореній *Азаматъ* («Юноша»); здѣсь помѣщено нѣсколько переводовъ изъ русскихъ поэтовъ : «Роза» (Пушкина), «Споръ» (Лермонтова).

Занимаюсь я и публицистической дѣятельностью.

Въ 1911 г. сотрудничалъ в киргизскомъ журналѣ *Ай-капъ*, изд. въ Троицкѣ, где печатались мои стихотворенія и рассказы; послѣднее время состою постояннымъ сотрудникомъ киргизской газеты *Казакъ*, изд. въ Оренбургѣ.

Сынъ степей, М. Я. Дулатовъ мечтаетъ иногда о былой свободѣ киргизовъ. Однако это – строитель жизни, обращающійся къ своему народу съ мощнымъ призывомъ «Проснись, казакъ!» На киргизскія земли двигаются полчища переселенцевъ изъ России, и для отпора необходимо просвѣщеніе: безъ просвѣщенія киргизы обречены на вымирание. Переходъ на осѣдлый образъ жизни, измѣненіе въ положеніи женщины, – вотъ основныя темы, волнующія его музу; это – поэтъ гражданскій.

Труднѣе удастся ему романъ; въ канву рассказа вплетаетъ онъ, правда, живыя картины изъ быта народа, но дѣйствующія лица набросаны эскизно, слабо обоснована финальная часть (смерть Алія).

Н. Р.

I. ПРЕЖНЯЯ ЖИЗНЬ КИРГИЗСКАГО НАРОДА

Какъ прекрасна была прежняя кочевая жизнь киргизскаго народа!

Веселая молодежь старалась перещеголять другъ друга¹⁾. Кочевые начальники ѣхали впереди: въ этомъ было молодечество. Джигиты на быстроногихъ коняхъ, украшенныхъ перьями, устраивали «байгу»²⁾.

Вотъ рядами расположились аулы по берегамъ озера. Какъ очаровательны были эти бѣлыя юрты! Привязанные³⁾ жеребята богатыхъ людей лежатъ на зеленомъ коврѣ. Люди и животныя наслаждались какъ въ раю земномъ. Вотъ шумить отъ выпитаго кумысу толпа молодежи. Всѣ сыты и довольны. Молодые женщины и дѣвушки отправляются за малиной и брусникой. Богачи отличаются щедростью и помогаютъ бѣднымъ. Рождается ли ребенокъ, выдаютъ ли замужъ или женится джигитъ, – устраиваются «той» и «байга». Какія удивительныя поминки справляются по покойникамъ, извѣстнымъ въ народѣ своими достоинствами! Когда заколютъ барана, жеребенка и пьютъ кумысъ, тогда только между собравшимися гостями завязываются веселые разговоры.

Развѣ осталось теперь что-нибудь отъ этой вольной жизни киргизовъ? Люди, въ памяти которыхъ еще живо былое счастье, скорбятъ теперь. Вся надежда на молодое поколѣние, стремящееся къ знанію! Благодаря образованію молодежь добьется свѣтлыхъ дней.

II. КИРГИЗСКІЯ ЗЕМЛИ

Въ 1731 году мы приняли покровительство Россіи. Видя нашу некультурность и слабость, кто не воспользовался бы нами? Въ 1868 году объявили, что всѣ земли будутъ принадлежать казнѣ. Съ каждымъ годомъ уменьшаясь, наши

¹⁾ Парни и дѣвушки ѣхали верхами, пышно одѣтые, на красивыхъ коняхъ.

²⁾ Скачки.

³⁾ Во время дойки кобыль.

земли всѣ достались переселенцамъ. Люди почетные, вліятельные, обратите на это вниманіе! Говорятъ: «Куй желѣзо, пока горячо»; не слѣдуя этой пословицѣ, вы берете на себя отвѣтственность за слезы будущихъ поколѣній. О, родныя, дорогія земли, вы всѣ ушли къ переселенцамъ! Священные могилы предковъ нашихъ теперь среди улицъ деревни. Каменные памятники надъ ними будутъ употреблены мужиками для бань, деревянные загородки пойдутъ на топку. Не находя, впослѣдствіи, никакихъ признаковъ старыхъ могилъ, мы будемъ ручьемъ проливать слезы.

Большія озера, текучіе «булаки»¹⁾, удобныя лѣтовки и лѣса – все отчуждено. Когда подумаю обо всемъ этомъ, я схожу съ ума, горю (какъ въ огнѣ) отъ горя. Вѣдь мы приняли подданство, не отдавая своей земли, надѣялись жить подъ сѣнью справедливости. Если отдать теперь послѣднюю землю, придется пасти скотъ на пескѣ. Простой народъ ошеломленъ.

Люди просвѣщенные, вся надежда на васъ! Киргизы, гдѣ теперь ваши земли, на которыхъ вы жили съ тѣхъ поръ, какъ образовалось племя «казакъ»? Прогнали васъ и отдали землю подъ хохлацкія селенія. Землемѣры нарѣзаютъ для переселенцевъ лучшіе участки: луга, мѣстности съ прѣсной водой, высокія горы, текучіе ключи, большіе озера и холмы. Гдѣ мужи, которые остановили бы ихъ? Теперь намъ негдѣ кочевать со своими стадами. Мы круглый годъ топчемся на одномъ мѣстѣ. Оставлены намъ солёныя озера, безводная степь, неудобная для земледѣлія. Развѣ можно заниматься скотоводствомъ на песчаной каменистой мѣстности? Куда дѣнуть теперь люди богатые своей табунъ? Вотъ двигаются къ намъ переселенцы какъ тучи; они проглотятъ всѣ земли киргизовъ. Пришли, занялись хлѣбопашествомъ, разбогатѣли. Развѣ они такъ лѣнны, какъ нашъ народъ?

Видишь, киргизъ, жизнь становится все труднѣе и труднѣе! На твою мольбу не обратятъ вниманія. Каково будетъ твое положеніе, «казакъ», когда по новому проекту каждому дадутъ по 15 десятинъ земли?..

III. ТОСКА²⁾

О сердце, скажи правду, куда ты идешь? Что пользы находишь ты въ скитаніи? Развѣ не пришла пора остановиться? Безъ отдыха скачешь ты день и ночь, шаловливо наступаешь на огонь и стоишь на мѣстѣ. Напрасно не даешь ты покою моей головушкѣ! Развѣ не знаешь: твой недругъ будетъ злорадствовать, что ты за легкомысліе получаешь воздаяніе? Остепенись же, сердце, не будь посмѣшищемъ! Не бреди ранъ моихъ!

Тогда опечаленное сердца сказало мнѣ: «Тоскую я по степямъ, Сары-арка³⁾. Дай мнѣ вдоволь поскитаться по долинамъ Исиля⁴⁾, Нуры, Идиля⁵⁾, Джаика⁶⁾. Дай, отведу душу и постранствую по горамъ Урала, Алтая, Тянь-шаня; погляжу, въ какомъ положеніи находятся возросшія на свободѣ дѣти славныхъ

¹⁾ Родникъ.

²⁾ Напечатано в газете «Казакъ», 1913, № 35.

³⁾ Или: «Сары-арканын даласы» – степь, которая тянется черезъ Акмолинскую, Семипалатинскую и Тургайскую области.

⁴⁾ Ишимъ.

⁵⁾ Волга.

⁶⁾ Уралъ (Яикъ).

«казаковъ», есть ли у нихъ еще бѣлая свобода. Пусть своими глазами увидить твое избалованное сердце. Или, быть-можетъ, овладели ими чужіе? – пусть все поразвѣдаетъ несчастный твой другъ; есть ли ханъ и «бай»¹⁾, «бій»²⁾ и «батырь»³⁾, бывшее широкое разгулье, «асъ»⁴⁾ и «той»⁵⁾; сохранился ли шумный обычай «баранты», когда решались тяжбы о вирѣ двумя словами и быстро различалась правда отъ лжи?»

При этихъ словахъ зарыдало мое сердце: «Тебѣ дороги города русскихъ и татаръ». Размягчился и я, не вытерпѣвъ и вымолвилъ: «Голубчикъ, воля твоя, если хочешь, – можешь идти!»

Перевелъ С. Сабатаевъ.

Повѣсть
БАХЫТСЫЗЪ ДЖЕМАЛЬ
(Краткое содержаніе)

Сарсенбай, не имѣя дѣтей отъ своей жены Калампырь, долгое время не рѣшается однако жениться на другой, потому что опасается протестовъ со стороны Калампырь. Конецъ его колебаніямъ положилъ случай, происшедшій с нимъ в гостяхъ.

Одинъ пріятель за чашкой кумыса, какъ бы шутя, обозвалъ его «кубасомъ» (голый черепъ). Такъ ругаютъ бездѣтныхъ, – слово очень оскорбительное.

Обиженный и опечаленный, Сарсенбай возвращается вечеромъ в свой аулъ и не отвѣчаетъ на вопросы своей жены, которая хотѣла было освѣдомиться о причинѣ его недовольства.

Утромъ онъ созываетъ близкихъ родственниковъ и старинныхъ сосѣдей и сообщаетъ о своемъ намереніи жениться.

На совѣтѣ присутствуетъ и Калампырь. Всѣ одобряютъ его намѣреніе: «Вѣдь шаріатъ даже обязываетъ правовѣрнаго жениться снова, если онъ не имеетъ дѣтей. Мусульманинъ всегда долженъ рассчитывать на милость Божію; единственное существо, которому разъ навсегда отказано в милости Божіей, – это шайтанъ, врагъ Божій. Да и самъ Пророкъ, не имѣя мужскаго потомства, бралъ нѣсколько женъ».

Калампырь, видя бесполезность сопротивленія, тоже даетъ свое согласіе на бракъ.

43-лѣтній Сарсенбай рѣшается взять въ жены дочь умершаго муллы, которая жила у своего опекуна-родственника. Опекунъ, прельстившись богатствомъ Сарсенбая, выдаетъ за него 14-лѣтнюю Чулпанъ.

Калампырь первое время относится къ Чулпанъ непріязненно, но когда у Чулпанъ рождается дочь, вражда прекращается; Калампырь даже полюбила новорожденную.

Обрадованный рожденіемъ дочери, Сарсенбай устроилъ большой «той», на который пригласилъ нѣсколько ауловъ. Новорожденной даютъ имя «Джемаль».

До 9-лѣтняго возраста Сарсенбай одѣваетъ Джемаль въ мужское платье. (Такъ утешаютъ себя люди, у которыхъ нетъ сыновей. Этотъ обычай среди киргизовъ встрѣчается теперь очень рѣдко).

¹⁾ Богачъ, хозяинъ, герой.

²⁾ Князь, судья.

³⁾ Герой, богатырь.

⁴⁾ Поминки.

⁵⁾ Пиръ (свадебный).

Однажды какой-то мулла старыхъ воззрѣний, в гостяхъ у Сарсенбая, узнавъ, что подъ платьемъ мальчика скрывается дѣвочка, прочиталъ Сарсенбаю рядъ наставленій.

«Нужно одѣвать ее какъ дѣвочку, – сказалъ мулла, – а то ты выражаешь какъ будто протестъ противъ милости Бога за то, что Онъ даровалъ тебе девочку, а не сына. Это – большой грѣхъ! Мы при всякихъ обстоятельствахъ должны быть благодарны Всевышнему. Если хочешь обучать ее, обучай непременно у муллъ старинныхъ Нынѣшніе, молодые, муллы со своимъ новымъ методомъ испортятъ девочку, а главное, они на религіозное воспитаніе совсѣмъ не обращаютъ вниманія; все у нихъ передѣлано по-русски».

Сарсенбай – человекъ темный; онъ слѣпо вѣритъ всему, что говорятъ муллы; поэтому онъ обѣщаль мулле исполнить все въ точности.

Нанимая для Джемаль учителя, Сарсенбай предупреждаетъ, что онъ долженъ учить ее непременно по старинному. Тотъ притворяется муллою стараго закала, не знающимъ «новаго» метода.

Вмѣсто гонорара Сарсенбай предлагаетъ ему свой «закятъ» (который онъ и безъ того долженъ раздавать ежегодно бѣднякамъ). «А, если, – прибавляетъ онъ, – умреть на твое счастье какой-нибудь старикъ или старуха, тебе будетъ лишній доходъ». Бѣдный «шакирдъ», искавшій работы на лѣто, соглашается на всѣ условия.

У Джемаль обнаруживаются прекрасныя способности, и «шакирдъ» жалѣеть, что хозяинъ не соглашается учить ее по новому методу.

Онъ обращается къ матери Джемаль, которая предлагаетъ ему учить дѣвочку такъ, какъ для нея лучше. Старикъ объ этомъ ничего и не узнаеть.

Къ осени ученіе Джемаль прекращается: учитель уѣзжаетъ въ Уфу въ медресѣ. Но дѣвочка успѣла уже научиться грамотѣ.

Съ тѣхъ поръ она съ увлеченіемъ принимается читать различныя народныя произведенія.

У нея въ маленькихъ сундукахъ можно было видѣть «киссы» о героическихъ подвигахъ Заркумъ, Салсаль¹⁾, и т. п.

Когда у Сарсенбая бывали гости, старикъ говаривалъ: «Душечка Джемаль, прочитай-ка гостямъ свою киссу». Она читала вслухъ. Гости оставались довольны. Всѣ въ окологдѣ похваливали Джемаль.

Въ волости, гдѣ проживалъ отецъ Джемаль, должны были происходить выборы волостнаго управителя, народныхъ судей и т. д. Знакомые увѣщеваютъ Сарсенбая выставить свою кандидатуру на должность народнаго судьи.

Сарсенбай на выборахъ проваливается; пропадаютъ деньги, которыя онъ употребилъ на подарки голосовавшимъ за него.

Причиной неудачи былъ вліятельный, богатый киргизъ волости, Байжанъ, ни за что не желавшій видѣть Сарсенбая судьей; онъ-то и повліялъ на выборщиковъ.

У Байжана есть 17-тилѣтній сынъ дурачекъ, по имени Джуманъ. Байжанъ хочетъ женить его на хорошей невѣстѣ. Узнавъ, что у Сарсенбая есть дочь, онъ посылаетъ къ нему свата.

Друзья Сарсенбая совѣтуютъ ему изъявить согласіе на предложеніе Байжана, указывая на выгодность связи съ богатымъ и вліятельнымъ человекомъ. Сарсенбай соглашается.

¹⁾ Эти казанскія изданія (на киргизскомъ языкѣ) очень распространены и между татарами.

Джемаль узнает, что ея жених Джуманъ ей не пара. Она мучается и удивляется, как искренно любящій ея отецъ просваталъ ея за дурачка; она начинаетъ худѣть съ каждымъ днемъ. Мать беспокоится объ ея здоровьѣ. Случайно, открывъ ея сундукъ, находитъ она стишки, въ которыхъ Джемаль плачетъ на свою несчастную судьбу. Мать сочувствуетъ ей, но она бессильна что-либо сдѣлать.

Однажды она упрекнула мужа въ томъ, что онъ рѣшилъ изъ-за выгоды выдать любимую дочь за дурака. Сарсенбай сказалъ ей, что дѣло это уже кончено: «Байжанъ сумѣетъ расправиться съ нами, если мы вздумаемъ выдать ея за другаго; онъ вѣдь силенъ и вліятеленъ; теперь поздно; значить, такова была ея судьба». Опечаленная отвѣтомъ мужа, Чулпанъ уже не обращалась больше къ Сарсенбаю съ подобными вопросами.

Случайно на вечеринкѣ Джемаль встрѣчается съ молодымъ человекомъ, красавцемъ Алиемъ, который по правилу одной игры долженъ былъ сидѣть около нея.

Молодежь на вечеринкѣ сидѣла парочками и пѣла пѣсни по очереди подъ аккомпанементъ домбры. Спѣлъ и Алій.

«Прекрасная дѣвица, – началъ онъ, – безцѣнна, подобно рѣдкимъ драгоценнымъ камнямъ, когда достигнетъ 17-тилѣтняго возраста. Она подобна яблонямъ, растущимъ въ раю: если только достанетъ рука, какой «джигить» откажется вкусить плодъ».

Дошла очередь и до Джемаль; понявъ комплиментъ Алія, начала она восхвалять свободу джигитовъ и сравнивать съ ней положеніе дѣвушекъ:

«Джигиты вольны какъ птицы, которые улетаютъ въ теплый край при наступленіи суровой зимы; когда затмевается ихъ счастливая звѣзда, они могутъ еще надѣяться и искать счастья въ другомъ мѣстѣ».

«А бѣдныя дѣвушки подобно соловьямъ проводятъ жизнь въ клѣткѣ. Отдаютъ ихъ тому, кто дастъ больше калымъ, и несчастныя со слезами на глазахъ уходятъ изъ отцовскаго дома. И не милостивы къ нимъ въ этомъ случае родители, сколько бы ни любили ихъ».

Отецъ Алія, Дюйсабекъ, проживалъ въ одной волости съ отцомъ Джемаль, но Алій показывался въ аулахъ очень рѣдко. Первый разъ видитъ его здесь Джемаль, потому что дѣтство свое онъ провелъ въ городе, обучаясь тамъ въ ново-методномъ медресѣ. Бралъ онъ также частныя уроки русскаго языка. По окончаніи курса ученія въ медресѣ онъ занялся торговлей, жилъ все время въ городѣ, изрѣдка навещая своихъ родителей.

Онъ и на вечеринке-то былъ случайно, пріѣхавъ только что изъ города.

Джемаль и Алій полюбили друг друга. Они разговорились. У Алія явилась мысль во что бы то ни стало избавить девушку отъ немилаго жениха.

Это было очень рискованно: если бы онъ увезъ ея къ себѣ домой, вліятельный Байжанъ угналъ бы весь отцовскій скотъ и разгромилъ бы его домъ, наконецъ, отобралъ бы съ позоромъ Джемаль; досталось бы также и отцу Джемаль.

Онъ находитъ поэтому другой способъ: онъ увезетъ ея въ городъ и будетъ искать поддержки у знакомыхъ татарскихъ купцовъ. Онъ полагаетъ, что по крайней мѣрѣ въ городѣ Байжанъ не осмѣлится отобрать силой Джемаль.

О своемъ планѣ онъ пишетъ Джемаль. Джемаль долго не рѣшается; она боится опозорить своего любимаго отца и открываетъ тайну своей матери. Чулпанъ, сама не довольная дурачкомъ Джуманомъ, одобряетъ задуманный планъ.

И вотъ, ночьюъ Алій, при помощи двухъ своихъ товарищей и Чулпанъ, увозить Джемаль въ городъ къ купцу Фатхъ-уллѣ. Алій не ошибся; купецъ встрѣчаетъ бѣглецовъ радушно и общаетъ имъ помощь, если Байжанъ осмѣлится пріѣхать за ними въ городъ.

Какъ только Байжанъ узналъ о случившемся, онъ немедленно распорядился угнать скотъ родителей бѣглецовъ и созываетъ съѣздъ народныхъ судей. Взятками склоняетъ онъ ихъ на свою сторону.

Съѣздъ народныхъ судей выноситъ резолюцію, что яко бы Алій увезъ законную жену Джумана, сына Байжана. (Байжанъ представилъ подложное свидетельство отъ муллы о бракѣ, заключенномъ будто бы уже года два тому назадъ). Угнанный скотъ долженъ остаться у Байжана; кромѣ того, съѣздъ обязывалъ отца Алія доставить бѣглецовъ въ ауль.

Противная сторона, не довольная рѣшеніемъ съѣзда, подаетъ жалобу крестьянскому начальнику и губернатору. Тяжба затягивается года на два.

Тѣмъ временемъ Алій и Джемаль переѣзжаютъ изъ города къ дальнему родственнику Алія, проживающему въ другой волости.

Внезапно Алій заболеваетъ. Болѣзнь развивается очень быстро, и черезъ двѣ недѣли онъ умираетъ на рукахъ Джемаль. Горе и отчаяніе Джемаль безграничны.

Пріѣзжаютъ родители и убитую горемъ Джемаль увозятъ домой. Находятся посредники, которые хотятъ помирить Сарсенбая съ Байжаномъ. Спрашиваютъ Джемаль, пойдетъ ли она теперь за Джумана.

Она заявляетъ, что ея счастье разбито, она любила Алія, но его нѣтъ; теперь она никого не можетъ любить, ей все равно: Джуманъ или другой. Пусть дѣлаютъ, какъ удобнѣе будетъ ея родителямъ, передъ которыми она виновата. За Джемаль пріѣхала мать Джумана и увезла къ себѣ. Джуманъ начинаетъ мстить Джемаль; она молча переноситъ побои, насмѣшки.

Черезъ годъ поведеніе Джумана стало еще хуже. Чаша терпѣнія Джемаль переполнилась, и она задумываетъ бѣгство въ городъ, чтобы тамъ при помощи знакомаго купца найти какую-нибудь работу и больше уже не возвращаться ни къ Джуману, ни къ своимъ родителямъ.

Съ этимъ намѣреніемъ однажды вечеромъ (на дворѣ стояла зима), она пускается въ бѣгство верхомъ. По дорогѣ настигаетъ ее сильный буранъ. Она сбивается съ дороги. До полуночи ѣдетъ она безъ остановки, сама не зная куда; но силы оставляютъ ее. Потерявъ сознаніе, она падаетъ съ лошади въ сугробъ...

Черезъ два дня нашли ея окоченѣвшій трупъ...

Н. Рамазановъ

